

Александр Романович Лурия и культурная психология

Майкл Коул

доктор психологических наук, профессор лаборатории сравнительного человеческого познания
Калифорнийского университета (Сан-Диего, США)

Для нынешнего поколения психологов название данной статьи может показаться странным. Чаще всего об Александре Романовиче Лурии говорят как об основателе нейропсихологии, имея в виду его выдающиеся исследования в области диагностики и реабилитации пациентов с травмами головы. Он опубликовал лишь одну небольшую работу по материалам своих исследований в Средней Азии в начале 1930-х гг. [10], которая, тем не менее, хорошо известна психологам, интересующимся культурными основами организации человеческой психики. И всё же, здесь нет достаточных оснований для того, чтобы говорить о Лурии как о специалисте по культурной психологии. Более того, если бы эта рискованная попытка кросс-культурного анализа была моей единственной опорой в данной статье, можно было бы смело обвинить меня в преувеличении, а то и в откровенном стремлении исказить образ человека, получившего широкую известность в 1960–1970-е гг. благодаря своим работам по нейропсихологии и умственной отсталости.

Я выбрал тему для своей статьи вполне сознательно, и мне хорошо известно, что последние 35 лет своей жизни Александр Романович посвятил преимущественно изучению мозговых основ психической деятельности. Об этом я знаю не понаслышке: на протяжении 1962–1963 мне довелось практически ежедневно ездить в Институт нейрохирургии им. Бурденко для участия в нейропсихологическом исследовании, которым в то время занимался Лурия. Тем не менее, так сложилось, что я смог как следует ознакомиться не только с исследованиями Лурии в Средней Азии, но и с теми научными проектами, которые он осуществил, будучи совсем молодым, в стремительное десятилетие, следовавшее за русской революцией. Опираясь на эти ранние работы [6; 11] и на воспоминания Лурии о его собственном научном пути, я собираюсь показать, как в период между 1920 и 1930 гг. Александр Романович разработал (совместно с Алексеем Леонтьевым и Львом Выготским) системный подход к рассмотрению психической деятельности человека, отправной точкой которого явилась способность людей создавать и использовать культуру (принцип, легший в основу всей научной психологической мысли Лурии). Я также покажу, почему все его бо-

лее поздние идеи и исследования не могут быть правильно поняты, если не принять во внимание его приверженность принципам культурной психологии.

Интеллектуальный контекст

Прежде всего мы должны со всей серьезностью отнестись к тому обстоятельству, что начало научной деятельности Александра Романовича пришлось на эпоху, когда современная психология только зарождалась. Европейское научное сообщество в тот момент было втянуто в разнообразные дискуссии по вопросу: какого рода наукой должна стать психология: экспериментальной, по примеру естественных наук, или описательной, такой, как история и другие гуманитарные науки? Сводимы ли закономерности в психологии к «номотетическим» обобщениям, применимым ко всем людям, или к «идиографическим» описаниям, характеризующим каузальность психики каждого отдельного человека? Нужно ли выбирать между субъективными или объективными методами исследования? Должна ли психология стать «лабораторной» наукой, или же ее возможно будет распространить на повседневную жизнь людей и использовать как основу для лучшего обустройства общества?

Самые первые шаги Лурии на научной стезе были нацелены на разрешение «кризиса в психологии», порожденного разногласиями на почве провозглашения некоторыми психологами (Вундтом в Германии, Бехтеревым в России, и другими) «новой психологии», которой надлежало стать экспериментальной, номотетической, объективной и максимальной «лабораторной» наукой. Лурию привлекало это направление, однако он также симпатизировал тем, кто утверждал, что новая психология предельно стерильна и «бесчеловечна». Особенно он проникся идеями Вильгельма Дильтея о «реальной психологии» (*reale Psychologie*), которая рассматривала человека как целостную, динамическую систему, обусловленную конкретными историческими условиями, и изучала его жизнь и поведение в реальном мире. Однако Лурию беспокоили некоторые аспекты подхода Дильтея, которые он считал недостатками и которые не согласовывались с его

собственными представлениями о том, какой должна быть научная психология.

Культурная психология: Вундт и Дильтей

Хотя этот факт и не нашел своего отражения в наших учебниках по истории психологии, идея культурной психологии была тесно вплетена в споры между психологами на рубеже столетий относительно того, на что должна опираться психология как наука. В этом можно усмотреть какую-то иронию, но Вундт, которого по праву окрестили впоследствии «отцом экспериментальной психологии», убедительно доказывал, что изучение культуры должно стать неотъемлемой частью психологии, фактически ее половиной [17].

Одна часть новой науки, которую Вундт нарекал физиологической психологией, отводилась попыткам разложить содержание индивидуального сознания на составные части с целью сформулировать универсальные законы, согласно которым эти элементы объединяются в целое. Для этого испытуемых тщательно обучали методу интроспекции.

Völkerpsychologie, другая часть психологии Вундта, была задумана им как историческая, описательная наука. Ей надлежало изучать высшие психологические функции, в том числе процессы, связанные с рассуждением, и производные человеческого языка, поскольку и то, и другое простирается за пределы индивидуального сознания. Вундт утверждал, что «язык не может быть создан отдельно взятым человеком. Да, люди изобрели Эсперанто и другие искусственные языки, но эти изобретения были бы невозможны, если бы язык уже не существовал. Более того, ни один из этих искусственных языков не оказался способен поддерживать сам себя, и большинство из них обзяны своим существованием исключительно заимствованиям из естественных языков» [17, с. 3].

Вундт был убежден, что эти две инициативы дополняют друг друга: лишь посредством синтеза соответствующих пониманий становится возможной полноценная психология. Тем, кто заявлял, будто бы *völkerpsychologie* может быть отнесена к экспериментальной психологии, Вундт отвечал, что, несмотря на все попытки изучить сложные психические процессы посредством «чистой» интроспекции, «это занятие не увенчалось успехом. Индивидуальное сознание совершенно не способно явить нам процесс развертывания развития человеческой мысли, поскольку само по себе обусловлено более ранними его этапами, касательно которых оно не может дать нам никакого знания» [там же].

В связи с этим Вундт делает еще одно методологическое замечание, имеющее ключевое значение для истории и текущего состояния культурной психологии: «Психология народов является, по существу, *генетической психологией*». Подход Вундта к исследованию развития выходит за рамки изучения онтогенеза (индивидуального развития) и фокуси-

руется также на изучении «различных стадий психического развития, по-прежнему обнаруживаемых у человечества». И далее: «В *Völkerpsychologie* обнаруживаются четко структурированные примитивные состояния, эволюционирующие сквозь практически непрерывную череду промежуточных этапов к более высокоразвитым цивилизациям» [там же, с. 4]. Едва ли можно было ожидать более точной формулировки тесного родства между психологией развития и культурной психологией — и более явственно высказанной потребности в кросс-культурных исследованиях как основном инструменте культурной психологии. Следует отметить, что Вундт полагал также, что историческое развитие тесно взаимодействует с развитием индивидуальным.

Безусловно, все эти идеи не принадлежали одному лишь Вундту. Они естественным образом продолжали то направление немецкой мысли, истоки которого можно проследить вплоть до начала XIX в. и даже раньше. Впрочем, и сводить их исключительно к немецким философским традициям было бы неверно: очень схожие идеи можно найти в сочинениях Джона Стюарта Милля, который, как и Вундт, представлял психологию составной наукой, одна часть которой изучала базовые закономерности психики, а другая исследовала «типы личностей, складывающиеся в соответствии с этими общими закономерностями» [14, с. 177].

Несколько отличающееся видение психологии разрабатывал философ истории Вильгельм Дильтей, работы которого повлияли не только на Вундта, но и на целый ряд научных дисциплин, которые впоследствии стали называться гуманитарными и общественными науками. Психологии, по мнению Дильтея, надлежало стать особой наукой о духе, которая служила бы фундаментом (*grundwissenschaft*) для всех знаний о человеке (философии, языкознания, истории, искусства, литературы и т. д.). Дильтей утверждал, что без такой фундаментальной науки все науки о человеке — а сюда он относил и психологию — не смогут образовать подлинную систему [2].

Поначалу Дильтей рассматривал экспериментальную психологию Вундта как возможную фундаментальную науку, однако постепенно отказался от этой идеи, поскольку ему казалось, что в своих попытках соответствовать требованиям естественных наук и установить причинно-следственные связи между явлениями психики ученые упустили из виду самое главное — жизненные отношения между людьми, которые, собственно, и придавали смысл всем этим явлениям. Он не выбирал выражений, обрушиваясь с критикой на академическую психологию конца XIX в.: «Современная психология — расширенная доктрина ощущений и ассоциаций. Основополагающая сила духовной жизни не интересует психологию. Психология превратилась, по сути, в учение о проявлениях психических процессов, а значит, она может охватить лишь частицу того, что в действительности переживается нами как духовная жизнь» (цит. по: [2, с. 148]).

В качестве выхода Дильтей предлагал совершенно иной подход к психологии, которая, как он писал, «должна подчиниться историческому подходу, охватывающему психические процессы в их связанности и развитии» (цит. по: [там же, с. 183]). Он назвал этот подход описательной психологией, основывающейся на анализе реальных психических процессов в реальных жизненных ситуациях, и к таковым он относил как двусторонние процессы между людьми, так и мысли отдельного человека. Методом подобного анализа, по мнению Дильтея, должно было стать пристальное изучение сочинений таких «философов жизни», как Августин, Монтень и Паскаль, поскольку в них содержится глубокое осмысление переживаемой действительности и строго упорядоченное применение метода эмпатического понимания (*verstehen*), когда исследователи погружаются в конкретную жизненную ситуацию изучаемого ими человека.

Несмотря на некоторые существенные различия, рассуждения Дильтея о связи между индивидуальным мышлением и его социо-историческим контекстом были схожи с рассуждениями Вундта о культурной, сверхиндивидуальной части психологии. Дильтей определял культуру как «очищенную совокупность отдельных психических содержаний и связанной с ними психической деятельности» [там же, с. 123] — слова, звучащие весьма современно. Как и Вундт, Дильтей отрицал возможность объяснения культурных явлений на основе психологических законов отдельной личности.

Первый синтез

Экспериментальная психодинамика

Первую попытку осуществить синтез «двух психологий» Александр Романович предпринял под влиянием работ Зигмунда Фрейда и его последователей. По примеру психоаналитиков он провел клиническое исследование по теме свободного ассоциирования, однако засомневался в результатах подобной работы: ему казалось, что выводы, которые он пытался сделать относительно потока мыслей испытуемых, были недостаточно обоснованы. В ответ на собственные сомнения он создал методологию, призванную помочь реализовать психодинамическую теорию личности в объективных лабораторных условиях. Центральное место в новой методологии занимала экспериментальная методика, которую он назвал «*сопряженной моторной методикой*» и которая, как он надеялся, обеспечит возможность использовать клинические методы Фрейда в научных экспериментах. Одновременно с этим Лурия старался привнести в исследования и исторический аспект, пытаясь нащупать точки соприкосновения между Марксом и Фрейдом — попытку, которую он сам позднее признал неудачной.

Наиболее полное описание этой работы можно найти в монографии, опубликованной на английском языке в 1932 г. под названием «*The Nature of Human Conflicts: Or Emotion, Conflict and Will*» (на русском языке книга вышла в 2002 г. под названием «Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека». — *Прим. перев.*). В первой главе Лурия описывает основные предпосылки и стратегию экспериментов. Следуя традиции, разделяемой психоаналитиками, гештальт-психологами и многими другими, он открыто отвергает механический детерминизм, заявляя о том, что «структура организма представляет собой не случайную мозаику, но сложную организацию отдельных систем... [которые] объединяются определенным образом в интегрированную функциональную структуру» [6, с. 6–7].

Но если эта структура является результатом длительного и сложного развития, а ее части интегрированы в единую функциональную систему, можно ли в целях психологического анализа изолировать элементы этой системы? Иными словами, может ли один человек получить достоверные свидетельства о мыслительных процессах другого человека? Лурия утверждал, что мысли других людей невозможно наблюдать непосредственно, однако они могут быть выявлены опосредованно, в той мере, в какой они могут проявляться в доступном для наблюдения окружающих произвольном поведении человека. Он описывал свою стратегию следующим образом: «Мы должны, с одной стороны, вызвать центральный процесс дезорганизации поведения, с другой — попытаться отразить этот процесс в какой-нибудь доступной для изучения системе; такой системой, объективно отражающей структуру скрытых от непосредственного наблюдения нейродинамических процессов, прежде всего является моторика, и мы используем моторику как систему, отражающую структуру скрытых психологических процессов; таким образом, мы принимаем сопряженную моторику в качестве нашей основной методики» [там же, с. 18].

На первом этапе задача заключалась в том, чтобы сформировать у испытуемого согласованное и открытое для внешнего наблюдения поведение в качестве опосредующего звена в предстоящем психологическом анализе. Для этих целей Лурия использовал самые разные приспособления. Часто испытуемому предлагали неподвижно держать левую руку на приборе, фиксирующем движения, и одновременно просили нажимать кнопку или сжимать резиновую грушу в ответ на вербальный стимул, предъявляемый экспериментатором. Как только поведенческая реакция становилась устойчивой, исследователь старался *избирательно* нарушить ее в соответствии со своей гипотезой относительно определенных внутренних психологических состояний.

Сопряженная моторная методика применялась для психодиагностики в целом ряде реальных

жизненных ситуаций, в полном соответствии с желанием Лурии продемонстрировать возможности новой методологии, позволяющей изучать долговременные эмоции, играющие важную роль в человеческом поведении, даже за пределами лаборатории. В книге много тому примеров. В одном случае в исследовании принимали участие студенты, ожидавшие допроса на предмет «неблагонадежности» в период московских чисток 1924 г. (слово «*prigae*» еще не вошло в обиход, и Гант перевел «чистки» как «*cleansing*»). Задачей исследования было выявить их озабоченность предстоящим допросом и возможными сложностями, связанными с их социальным происхождением. Испытуемых сначала просили сжимать маленькую резиновую грушу, когда они слышали какое-либо слово, держать другую руку (также сжимавшую резиновую грушу) неподвижно, и говорить первое пришедшее на ум слово в ответ на слово экспериментатора. «Нейтральные» слова (обычные слова, никак не связанные с допросом) перемежались в эксперименте с «критическими» словами — такими, как «экзамен» и «формула», — чтобы определить, приводят ли они к отличным реакциям. При использовании одних только свободных ассоциаций реакции на два типа слов были неразличимы; в случае же с фиксацией моторных реакций критические слова отчетливо влияли на последние, в то время как нейтральные слова никакого воздействия не оказывали, что послужило подтверждением эффективности метода Лурии.

Та же методика использовалась и для изучения ожидавших прокурорского допроса преступников — с тем, чтобы показать возможности ее использования в качестве детектора лжи. В данном случае критические слова подбирались в соответствии с обстоятельствами совершенного преступления («нож», «носовой платок» и т. п.). Результаты, полученные посредством сопряженного моторного метода, затем сопоставлялись со свидетельствами, собранными в ходе дальнейшего следствия и судебного процесса. И снова Лурия сообщал об успешном выявлении тех испытуемых, у которых на уме было что-то, что они не хотели обнаруживать.

Однако Лурия не пренебрегал и исключительно лабораторными доказательствами эффективности своего метода. Он проводил эксперименты с нормальными взрослыми людьми, одним из которых в начале эксперимента рассказывали историю, а другим нет, и затем экспериментатор по характеру моторных реакций должен был вычислить, кто из испытуемых ее уже слышал. Также в целях расширения доказательств эффективности своей методики Лурия проводил эксперименты с людьми с травмами головы и с испытуемыми, страдающими различными неврозами.

Работе с сопряженной моторной методикой полностью посвящены первые два раздела книги, и хотя, как уже было отмечено выше, она была издана на английском языке в 1932 г., в ней также содержатся

данные исследований, относящихся к 1923—1930 г. Сама книга представляется мне чрезвычайно интересной, отчасти потому, что я знаю, что в начале этого периода Александр Романович был всецело поглощен созданием сопряженной моторной методики как модели изучения психодинамики человеческого мышления. К концу же этого времени он более не использовал сопряженную моторную методику (хотя все же фиксировал моторные реакции во многих своих экспериментах). Фрейдистские идеи были объявлены категорически неприемлемыми для советского психолога, и Лурия направил все свои силы на разработку новой психологической школы, базировавшейся на принципе исторической обусловленности психики человека.

Второй синтез

Социо-историческая школа психологии

Среди пластичных основ, на которых зиждилась научно-исследовательская работа Лурии и которые нашли отражение в книге, наиболее существенным кажется сдвиг в исследовательской стратегии. Основная цель экспериментов, описанных в первой части книги, заключалась в изучении избирательной дезорганизации поведения взрослых испытуемых, для чего и была изобретена сопряженная моторная методика. В последней части речь о сопряженной моторной методике уже не идет, а испытуемыми являются преимущественно дети. Вместо изучения дезорганизации стратегия теперь заключалась в исследовании генеза организации. Именно в этом сдвиге на передний план выходит идея культурного опосредования. В следующей части статьи я непосредственно перейду к рассмотрению работы, которая отводит культуре главное место в психическом развитии, но не будет лишним вкратце сказать об этом и в контексте «Природы человеческих конфликтов», поскольку в результате становится понятно, что идея культурного опосредования проглядывала в размышлениях Лурии о кортикальных основах произвольного поведения.

В экспериментах с детьми, описанных в книге, процедура чаще всего была предельно простой: к примеру, детей просили отвечать только после определенного сигнала. Совсем маленькие дети некоторое время следовали этой инструкции, но вскоре начинали отвечать в промежутках между сигналами. По мере увеличения возраста испытуемых реакции становились все более точными, и для взрослых задание было настолько простым, что их реакции осуществлялись на уровне рефлекса. Результаты этого эксперимента не столь интересны, как их интерпретация Лурией. Во-первых, он предполагал, что маленькие дети подвержены диффузному возбуждению коры, поскольку у них неразвиты высшие регуляторные функции. Во-вторых, он утверждал, что подлинная сущность перехода из дет-

ства во взрослость заключена именно в развитии. Иными словами, взросление подразумевает качественный скачок в функционировании организма человека: «Реакции взрослого человека, насколько нам известно, представляют собой сложный развертывающийся процесс, по своей структуре не имеющих ничего общего с теми импульсивными реакциями, которые мы видим у детей, или с рефлекторной активностью у животных. Самое главное отличие заключается в том, что взрослый может контролировать характер своих моторных реакций... Таким образом, было бы неверно утверждать, что стимул непосредственно вызывает реакцию [у взрослого. — М.К.]... Замечательное свойство реакций взрослого заключается в том, что естественный порыв каждый рефлекторного акта сбросить возбуждение контролируется сложно устроенным процессом реагирования» [6, с. 394].

Лурия назвал этот сложный процесс реагирования, мешающий прямому переходу возбуждения коры головного мозга в моторные реакции, «функциональным барьером». Подобные функциональные барьеры, по его мнению, возникают из речи и символических функций, лежащих в основе того, что он называл высшими психическими функциями.

В-третьих, Лурия утверждал — и здесь можно увидеть прямые пересечения с Вундтом, — что высшие психические функции и их проявления в виде функциональных барьеров не возникают спонтанно в ходе индивидуального развития. Они, скорее, представляют собой индивидуально усвоенные формы культурно опосредованных, социально передаваемых способов поведения. Лурия особенно подчеркивал, что такое понимание психологии человека означало, что «для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы организма, искать источники этой сознательной деятельности и «категориального» поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека» [13, с. 25].

Он предельно ясно высказывался относительно того, что, по его мнению, является связующим звеном между культурой и простыми реакциями выбора: «Функциональный барьер являет собой не природный механизм, а культурно обусловленный» [6, с. 394]. И вывод: «Анализ сложных культурных механизмов — ключ к пониманию простых нейродинамических процессов» [там же, с. 428].

Эти идеи проникли и укрепились в работах Лурии после того, как он и его коллега Алексей Леонтьев повстречались с Львом Выготским. Десять лет, на протяжении которых трое ученых работали вместе, коренным образом изменили представления Лурии о том, как можно было бы выстроить синтез «двух психологий», о которых говорили Вундт, Дильтей и их западноевропейские коллеги. Влияние Выготского на научное мировоззрение Лурии

было огромным, но, наверное, наиболее существенным его аспектом стало то, что Лурия смог нащупать основу для размещения своего методологического решения проблемы «двух психологий», оставшегося на уровне индивидуального опыта, в более широком теоретическом контексте представлений о человеческой психике как культурно и исторически обусловленной.

Сопряженная моторная методика связала между собой два уровня анализа. Лурия представлял опосредование деятельности неким общим культурным средством как главное методологическое условие понимания мыслительных процессов другого человека. При содействии Выготского и Леонтьева идея зазвучала по-другому: культурное опосредование *и есть* главная черта человеческого мышления. В целом ряде блестящих статей, опубликованных тремя учеными в издании *The Journal of Genetic Psychology* в период между 1928 и 1930 гг., культурное опосредование было объявлено краеугольным камнем новой психологической школы. Новая «социо-историческая», или «культурно-орудийная», психология базировалась на взаимосвязанных положениях о том, что психические процессы человека культурно опосредованы, формируются в процессе деятельности и во взаимодействии с другими людьми, причем и деятельность, и опосредующие ее средства, и производные функциональные психические системы *исторически развиваются*.

Вводные слова Лурии помогают лучше понять основные принципы новой концепции: «Человек отличается от животных тем, что может создавать и использовать орудия труда... эти орудия труда не только радикально меняют условия его жизни, но также воздействуют на него самого таким образом, что меняют его и его психическое состояние. В сложной системе взаимоотношений человека с окружающей средой его внутренняя организация начинает дифференцироваться и совершенствоваться; его руки и его мозг приобретают определенный вид, формируется целый ряд сложных типов поведения, с помощью которых человек лучше приспосабливается к окружающему миру» [5, с. 493].

Эта перемена, как он утверждает, приносит фундаментальные изменения в структуру человеческого поведения. «Вместо того, чтобы использовать натуральную функцию для решения определенной задачи, ребенок *размещает между этой функцией и задачей специальное вспомогательное средство*... при помощи которого у него получается выполнить задание... Непосредственное, натуральное использование функции замещается сложной, «инструментальной» формой» [там же, с. 495].

На протяжении нескольких последующих лет Выготский, Лурия и Леонтьев провели множество исследований, целью которых было продемонстрировать область применения новых идей.

Одним из основных приемов в этих исследованиях было предъявление детям такой специально подобранной задачи, которую трудно было бы ре-

шить «голыми руками». После нескольких тщетных попыток со стороны ребенка экспериментатор предлагал ему предметы, которые, согласно опыту взрослых, могли бы быть использованы для решения задачи. Эта экспериментальная модель была опробована с привлечением самых разных задач, в особенности тех, которые задействовали внимание и память. К примеру, экспериментатор просил маленьких детей воспроизвести по памяти список из названий предметов, зачитанный вслух. Как только становилось понятно, что задача слишком сложна, экспериментатор предлагал ребенку разнообразные предметы (потенциальные «орудия» запоминания), чтобы выяснить, сможет ли тот прибегнуть к опосредованным формам запоминания. Свойства предъявляемых предметов регулярно менялись с тем, чтобы отличить, какие дети могли использовать только готовые опосредующие орудия, а какие могли воспользоваться практически любым предметом для запоминания — вплоть до того, что могли создавать свои собственные мнемонические техники.

Лурия больше всего интересовался изучением языка и мышления, в особенности взаимоотношениями между произвольными движениями и речью (эта тема затрагивается им уже в «Природе человеческих конфликтов»). В 1929 г. он поехал в Нью-Хейвен, штат Коннектикут, где выступил с докладом о природе эгоцентрической речи, написанным в соавторстве с Выготским. Ранее интерес к тому, как маленькие дети разговаривают сами с собой во время игры с другими детьми, возник благодаря Пиаже, предположившему, что эта эгоцентрическая речь есть промежуточный этап между аутичной стадией, когда дети вообще не способны учитывать присутствие окружающих в своем поведении, и более поздней стадией, когда речь становится речью «для другого» и, следовательно, обретает коммуникативную функцию. Эгоцентрическая речь считалась чем-то бесполезным, напрямую свидетельствующим о когнитивной незрелости. Лурия и Выготский придерживались прямо противоположного мнения. С их точки зрения, эгоцентрическая речь есть переходная стадия между речью, контролирующей другого, к речи, контролирующей самого себя. Она социальна по своему происхождению и играет важную роль в том, чтобы помочь ребенку безотлагательно справляться с возникающими трудностями.

Эксперимент, придуманный ими в противовес Пиаже и его интерпретации эгоцентрической речи, являет собой прекрасный образец их общей методологической стратегии: детям предлагались экспериментальные задачи, которые были слишком сложны для них, и, как это и предсказывала теория, эгоцентрической речи (т. е. речи, не адресованной другому) становилось больше.

В другом варианте эксперимента (1978), который Лурия называл исследованием «предыстории письма», он изучал развитие у детей способ-

ности делать пометки на бумаге как средства запоминания материала, предъявляемого экспериментатором. Побуждаемые Лурией, маленькие дети могли, к примеру, сделать четыре отметки на бумаге, чтобы запомнить словосочетание «четыре дома», но когда настал момент вспомнить, они не могли воспользоваться своими отметками. Дети чуть постарше, но еще не умеющие писать, могли научиться делать себе пометки, которые в действительности становились средствами запоминания.

Кросс-культурная стратегия

Одновременно с изучением способности детей к опосредованию психической деятельности с помощью культурно выработанных средств Лурия и его коллеги занялись обширными исследованиями истории развития культурных форм опосредования, поскольку в их теории постулировалась тесная взаимосвязь между средствами, предлагаемыми культурой, и формами опосредования деятельности, возникающими у детей.

Эта взаимосвязь четко прослежена А.Н. Леонтьевым в его статье о произвольном внимании, опубликованной как часть целого ряда статей в издании *Journal of Genetic Psychology* [4]. Леонтьев иллюстрирует историю функции произвольного внимания примерами из антропологических работ: «Уже на этапе племенной охоты, которая была одним из первых проявлений коллективизма на заре истории человечества, человек столкнулся с необходимостью контролировать внимание группы охотников: это было необходимым условием организованной охоты. Функция вождя в данном случае заключалась в том, чтобы подчинить поведение коллектива общей цели, что, прежде всего, означало, что цель должна была быть *означенной*, т. е. к ней должно было быть привлечено внимание» [там же, с. 58].

Из таких примитивных исходных форм «обозначающее» поведение развивалось и становилось всё более дифференцированным и приспособленным к конкретным условиям, воплощаясь в общепринятых знаках, т. е. психологических орудиях. Эту историческую перспективу Леонтьев затем соединяет с индивидуальным развитием ребенка: «История овладения человеком регуляцией поведения другого во многом повторяет историю его овладения орудиями. Оно предполагает изменение в структуре поведения, благодаря которому поведение, направленное на цель, становится поведением, управляемым опосредованно» [там же, с. 59].

Во второй половине 1920-х гг. основатели социо-исторической школы буквально штудировали антропологическую литературу в поисках подтверждений своей идеи о взаимосвязи культурного и индивидуального развития. Притягательность этих идей для Лурии очевидна: в них было заключено недостающее звено между двумя видениями психологии, которые

он так страстно хотел примирить в начале своей научной карьеры.

Экспедиции в Центральную Азию

Ощущая явную нехватку столь необходимых для подкрепления новой теории данных, Выготский и Лурия организовали в начале 1930-х гг. две экспедиции в Центральную Азию, впоследствии руководимые Лурией. Целью этих исследований было получить непосредственные эмпирические данные относительно исторического развития когнитивных функций — вместо той информации из сторонних источников, на которую они опирались до сих пор. Экспедиции надлежало выбраться в сельскую местность, которая, однако, очутилась в эпицентре очень быстрых социально-экономических и культурных преобразований вследствие коллективизации сельского хозяйства конца 1920-х гг.

Всё, что мы знаем об этих исследованиях, почерпнуто преимущественно из отчета, который Лурия написал более 30 лет спустя. Насколько мне известно, отчета о первой экспедиции не было, и лишь короткий отчет о результатах второй был опубликован на английском языке [6]. В 1934 году Лурия охарактеризовал цель исследования как изучение «образа мышления примитивных обществ, развития психологических функций через мышление, а также высвечивание тех изменений, которые претерпевает мышление в ходе социальной и культурной трансформации, связанной с развитием социализма» [там же, с. 255–256].

Данное Лурией в более поздней публикации (1976) описание цели этого исследования одновременно и содержит в себе отсылки к исходным формулировкам, и стремится к большей деликатности выражений — весьма уместной, учитывая сопоставительный характер сделанных выводов об умственном развитии среднеазиатского населения. Лурия пишет, что в его задачу входит показать, что «многие психические процессы социально и исторически детерминированы... [и] существенные проявления человеческого сознания напрямую сформировались под влиянием основных форм человеческой деятельности и культуры» [10, с. 3].

В монографии 1976 г. содержится много интересных данных, подкрепляющих это положение. Лурия отмечает, что неграмотное население Узбекистана решало предложенные в эксперименте задачи на классификацию (цветные нити, геометрические фигуры, разнообразные предметы), логические умозаключения и самоанализ качественно иным способом, нежели их соседи, вовлеченные в коллективное сельское хозяйство и/или получившие образование.

Предельно упрощая, можно назвать наиболее существенными следующие выводы: с переходом от традиционного земледелия к коллективному труду в условиях грамотного и/или индустриального общества

1. «Наглядно-действенное мышление» замещается по меньшей мере зачатками «абстрактного мышления».

2. Основные формы познавательной деятельности выходят за рамки овладения и воспроизведения индивидуальной практической деятельности, перестают быть конкретными и зависимыми от ситуации, становятся частью более общих, абстрактно кодируемых систем знания.

Подобные сдвиги способствуют возникновению не только новых форм мышления как способности рассуждать в логических категориях, свободных от непосредственного опыта, но и новых форм самоанализа, а также воображения.

Вплоть до 1960-х гг. данное исследование, наряду с исследованием Вильяма Риверса и его коллег [16], представлялось одной из самых всеобъемлющих попыток изучения источников культурных различий в познавательной сфере. Оно также имело большое значение для развития социо-исторической школы в целом, поскольку его выводы подтверждали основную гипотезу Выготского, Лурии и Леонтьева о том, что высшие психические функции, культурные по происхождению, будут отличаться в разных культурах. Однако, несмотря на то, что нехватка эмпирических данных по-прежнему ощущалась, эти исследования, учитывая исторический контекст, невозможно было продолжить.

Как я уже писал [1], при том, что эти исследования обеспечили необходимую поддержку тезиса об исторической и культурной детерминации человеческой психики, методы, которыми пользовался Лурия, и те выводы, к которым он пришел, уязвимы для научной критики в двух принципиальных моментах. Во-первых, Лурия не исследовал и не моделировал в своих экспериментах способы деятельности и психические процессы узбекских и казахских народностей; следовательно, в своих интерпретациях он не опирался на анализ сложившихся испокон веков культурных форм деятельности. Напротив, для целей психологической диагностики он использовал исключительно западноевропейские деятельностные методы в виде психологических тестов и интервью, которые не только не воссоздавали местную действительность, но и выступали в качестве измерительного инструмента для обобщенных психологических качеств, относительно которых в западноевропейском обществе существовала своя система интерпретации.

Опираясь на такой подход, Лурия в своем исследовании обнаружил, что соприкосновение местных крестьян с европейской культурой через образование или через участие в советских коллективных хозяйствах повышало вероятность их адекватного, с точки зрения русского человека, ответа на интеллектуальные задачки, которые им предъявлялись, однако эти результаты ничего не говорят о возможных аналогах в местных практиках. Эти аналогии могут существовать или не существовать, но то исследование, которое провел Лурия, в принципе не сможет ничего нам об этом сказать.

Во-вторых — и эту проблему невозможно не заметить современному ученому, продолжающему кросс-культурные исследования в русле социокультурной традиции [3], — Лурия не ограничивает свои выводы какой-то одной сферой, конкретной областью: напротив, он утверждает, что сдвиг в познавательных функциях *вообще* сопутствует социально-экономическим изменениям при переходе от традиционного земледелия к индустриальному способу производства. Слишком часто результаты исследований, о которых он пишет, воспринимаются им независимо от содержания проблемы и контекста деятельности, как свидетельствующие о неких общих когнитивных изменениях. Такие выводы одновременно и ставят под сомнение выведенный им самим принцип зависимости психических процессов от способов жизнедеятельности, и неуместным образом изображают взрослых, демонстрирующих определенные виды поведения, по-детски незрелыми.

В целом, на мой взгляд, советский опыт кросс-культурных исследований в целях построения социо-исторической теории психических процессов представляется весьма неоднозначным. С одной стороны, социо-историческая школа — единственный существующий в настоящее время теоретический подход, в котором главной аксиомой является культурная организация деятельности и психики. С другой стороны, когда фокус смещается с онтогенеза на историю, важнейшие идеи относительно ключевой роли культуры как уникального опосредующего звена во всех видах человеческой деятельности оказываются как бы в тени: их место занимают размышления об исторических переменах, основанные на политической экономике, для которых культурная организация оказывается чем-то вторичным, а вместо нее возникает концепция униформистского толка, дискредитирующая всю силу культурно-исторической теории.

Если бы времена были другими, эти проблемы могли бы решиться естественным образом в ходе развития теории. В частности, гипотетически Лурия мог бы совместно с советскими этнографами разработать такой подход к кросс-культурным исследованиям, который удовлетворял бы методологическим критериям, применяемым в их интракультурных исследованиях. Однако времена вне всяких сомнений были непростыми. В Советском Союзе в середине 1930-х гг. исследования Лурии были раскритикованы по политическим соображениям как оскорбляющие интеллектуальные способности строителей социализма в советской Центральной Азии [15]. Одновременно с этим Выготский и его коллеги попали под шквал критики за психологическое тестирование школьников, а также за недостаточно яростные нападки на «буржуазную» западноевропейскую и американскую психологию. В этих условиях Лурия не мог и помыслить о том, чтобы стать специалистом по этнографии и смежным дисциплинам, которые наверняка понадобились бы для полноценного раз-

вития кросс-культурного направления его научной работы.

В 1934 году Выготский скончался от туберкулеза. Леонтьев, вместе с Выготским и Лурией стоявший у истоков нового сектора психологии в Харькове, остался на Украине разрабатывать интересовавшую его тематику обучения и развития. Лурия провел некоторое время в Харькове, но затем вернулся в Москву и занялся тем, что в конце концов принесло ему мировую славу. Он поступил в медицинский университет, а по его окончании, в 1937 г., провел два года в интернатуре Института нейрохирургии им. Бурденко, где начал разрабатывать психологические методики диагностики травм головы. С этого времени и до конца жизни он посвящал львиную долю своей энергии именно этому направлению своей научной работы, которое сделало его всемирно известным.

Моя основная мысль, к которой я возвращаюсь в конце этой части, заключается в том, что уход Лурии в медицинскую психологию не был актом отречения от полутора десятков лет усилий по созданию комплексной, всеобъемлющей психологической школы. Скорее, это был прагматический ход для продолжения научных изысканий, начатых еще в 1920-х гг.

Окончательный синтез

Культурная концепция психики и мозга

Если рассматривать кросс-культурные исследования лишь как одну из стратегий исследования в рамках научной модели, акцентирующей культурную опосредованность всех сложных психических процессов человека, и если посмотреть на те виды исследований, которые Лурия, Выготский и Леонтьев с коллегами проводили в Москве в конце 1920-х, становится ясно, что те способы диагностики и коррекции, которые обрели широкую известность после выхода таких книг, как *The Role of Speech in the Regulation of Normal and Abnormal Behavior* (1961) («Роль речи в регуляции нормального и аномального поведения»), *Restoration of Function After Brain Injury* (1963) («Восстановление функций после травмы» (1948)), и *Traumatic Aphasia* (1970) («Травматическая афазия» (1947)), уже использовались задолго до того, как Лурия всерьез занялся получением медицинского образования и до того, как приобрел обширный опыт работы с умственно отсталыми.

Необходимость доказать, что способ преодоления «кризиса в психологии» наконец-то найден, требовала от основателей социо-исторической школы применить собственные идеи во всех проблемных областях, которые психологи считали своей территорией. В конце 1920-х и начале 1930-х гг. в работах ученых и их студентов был охвачен невероятный объем психологических проблем, а испытываемыми в их исследованиях становились страдающие афазиями, болезнью Паркинсона, психические больные, а также дети из самых разных регионов страны, с самыми разными уровнями умственного развития.

Основной принцип исследований оставался всё тем же. Если первоначальные попытки испытуемого решить задачу оказывались безуспешными (либо по причине юного возраста и неспособности воспользоваться необходимыми средствами, либо потому, что обретенные ими формы опосредованного поведения нарушились вследствие заболевания или травмы), трудности можно было устранить путем восстановления недостающих звеньев деятельности. По словам Лурии, когда непосредственные попытки овладеть поведением приводят к отрицательным результатам, помочь в овладении могут опосредованные попытки (т. е. с привлечением средств). Задача психологической диагностики заключается в том, чтобы выявить слабые звенья, которые являются причиной трудностей, и затем придумать способ восстановить деятельность, используя, при необходимости, внешние средства, умственные опоры, чтобы помочь человеку более эффективно справляться с теми сложностями, с которыми он сталкивается.

Для нейропсихологии, главного детища Лурии в более поздний период его научной деятельности, эти базовые положения имели как теоретическое, так и практическое применение. В теоретическом плане они означали, что функциональные системы, лежащие в основе человеческого поведения, включают в себя «экстракортикальные» компоненты, внешние опоры, в том числе культурно выработанные объекты окружающей действительности (к которым Лурия причислял и язык). Леонтьев назвал эти внешние культурные элементы, которые становятся значимой внутренней частью познавательной деятельности человека, «функциональными органами», тем самым делая акцент на представлении о том, что в процессе развития овладение новыми навыками происходит в равной мере благодаря как формированию новых, подвижных функциональных систем, так и возникновению новых морфологических органов.

В качестве одного из примеров подобного способа размышления я могу вспомнить работу Лурии, посвященную нарушениям письма и их коррекции, в которой он указывает, что способность к письму, будучи в историческом плане относительно новым видом человеческой деятельности, невозможно отнести к какому-то одному отделу мозга, а нужно рассматривать в терминах «функционального органа», обеспечивающего такую способность.

В практическом отношении эти идеи вылились в целую систему коррекционно-восстановительных практик, каждая из которых учитывала не только локализацию мозгового нарушения, но и те специфические функции, которые требовалось восстановить.

Тесную связь между ранними предположениями об опосредованном характере человеческой деятельности и работами по восстановлению функций можно проиллюстрировать с помощью одного из любимых примеров Лурии о том, как пациенты, страдаю-

щие болезнью Паркинсона, смогли обрести контроль над собственными движениями (впервые описанном, насколько мне известно, в «Природе человеческих конфликтов»).

Заметив, что пациенты, которые не могли пройти по ровному полу, могли, тем не менее, ходить по лестнице, Выготский и Лурия предположили, что во втором случае каким-то образом задействованы высшие, опосредованные формы поведения. Лурия описывает, как они получили прямое подтверждение своей гипотезы: «Выготский... раскладывал на полу кусочки бумаги и просил больного перешагивать через каждый из них... Больной, который только что не мог сделать самостоятельно более двух или трех шагов, долго ходил по комнате, перешагивая через кусочки бумаги, как будто бы он шел по лестнице. Мы помогли больному преодолеть симптомы его болезни на основе реорганизации психических процессов, которые он использовал при ходьбе. Компенсация двигательных нарушений оказалась возможной за счет перенесения деятельности с подкоркового уровня, где находились очаги поражения, на уровень более сохранной коры больших полушарий» [12, с. 129].

Очевидно, что Лурия использовал ту же самую стратегию при восстановлении утерянных психических функций у больных с травмами головы. Например, он использовал ее в работе с пациентами с повреждениями лобных долей головного мозга, несмотря на то, что структура нарушений в этом случае была почти полностью противоположной той, что встречалась у больных с болезнью Паркинсона: моторные реакции таких пациентов оставались в целостности, однако полностью утрачивался контроль за движениями со стороны высших отделов мозга, отвечающих за произвольные действия. Лурия описывает те трудности, с которыми сталкиваются пациенты с повреждением лобных долей, когда пытаются переключиться с одной мысли на другую, и насколько сильно нарушается у них способность к причинно-следственному мышлению (более подробно см.: [8]). В одном из случаев пациенту, который был не в состоянии пересказать знакомую ему историю, были предложены внешние опоры для облегчения перехода от одной части рассказа к другой в виде карточек со словами «однако», «несмотря на то, что», «затем», «так как» и т. п. С помощью этих внешних подсказок пациент сумел пересказать историю. Упражняясь снова и снова, пациент в конечном счете смог обходиться без внешних подсказок, что для Лурии явилось еще одним подтверждением того, что в ходе развития внешние средства замещаются внутренними, психологическими средствами.

Опубликованные в 1960-х и 1970-х гг. работы Лурии (многие из которых были написаны им за много лет до этого) касаются примерно одних и тех же тем и методов. Примеры, аналогичные описанному выше, можно почерпнуть и из его работ по умственной отсталости, и по сравнениям близнецов, и из многих

других работ по нейропсихологии. Тем не менее я надеюсь, что мне удалось донести свою главную мысль. Все более поздние работы Лурии уходят корнями в его теоретические и эмпирические исследования 1920-х гг.

Романтическая наука

В последнее десятилетие своей жизни, по мере того, как здоровье его ухудшалось, Александр Романович стал проводить больше времени в своих уставленных книгами кабинетах в московской квартире и на даче. Чувствуя приближающийся конец, он вновь возвращался к тому, что занимало его мысли в молодости, стремясь передать свое собственное виденье дела всей своей жизни.

Именно в этот период он пишет две небольшие книги, каждая из которых посвящена отдельному случаю: «Маленькая книжка о большой памяти (умнемониста)» и «Потерянный и возвращенный мир». Обе книжки после публикации их на английском языке сразу же обрели широкую известность. История про человека с феноменальной и любопытнейшим образом устроенной памятью и другая история про человека, который после тяжелого ранения в голову вновь обрел способность писать и смог повесть о своих переживаниях, были настолько увлекательными, что завладели умами множества людей, не имевших ни малейшего представления о том научном вкладе Лурии, который стоял за этими историями. Сам Александр Романович также ни разу не обмолвился в книжках о том, каким образом эти истории соприкасаются с тем, чем он занимался всю свою жизнь. Наоборот, и автор, и читатели относились к каждой истории как к уникальному случаю для изучения, раскрывающему важные стороны человеческой природы.

И лишь в своей автобиографии, над которой он работал до самой смерти, Лурия сложил воедино все кусочки мозаики своего научного пути, чтобы дать нам представление о том, каким был его замысел. Здесь он снова возвращается к дихотомии номотетического, обобщающего, естественнонаучного подхода к изучению человечества и идиографического, гуманистического, клинического подхода к изучению отдельного человека. Как он сам пишет, «применяя инструментальные лабораторные вспомогательные

средства в научном исследовании, я старался сохранить дух клинического анализа».

Лурия называл эти две книжки: невоображаемые портреты. Он повстречался с Шерешевским, мнемонистом, в самом начале своего научного пути, когда идеи социо-исторической школы пребывали еще в самом зародыше. Он был поражен тем, какие возможности открывали особые способы познания и запоминания Шерешевского для его личности и для теории в том плане, что культурно выработанные формы памяти настолько плотно вошли в обиход, что непосредственная, «синестетическая» память, которой обладал Шерешевский, давным-давно исчезла. Записи Лурии свидетельствуют что, он изучал Шерешевского с перерывами на протяжении многих лет.

Случай с Засецким также выходил за рамки привычных отношений врача и пациента, когда врач делает всё, что в его силах, а затем отпускает пациента, перепоручая его судьбу воле случая. Хранившаяся в семейном архиве Лурии стопка школьных тетрадей, в которых Засецкий так кропотливо реконструировал свой опыт и выстраивал психологические опоры для совладания с неизлечимым недугом, указывает на непреходящую озабоченность врача жизнью одного из немногих людей, которым удалось описать изнутри опыт мозговой травмы.

Последний из невоображаемых портретов, его собственная автобиография, есть последнее доказательство его веры в принципы, на которых строилась вся его работа. Здесь он пишет: «В этой книге нет героя с исключительными способностями, нет ни специфической одаренности, ни трагедии. Но есть атмосфера реальной жизни, начавшейся в такое исключительное время, вместе с началом революции» [12, с. 188].

От начала и до конца Александр Романович Лурия оставался человеком, который верил, что люди формируют друг друга, при особом посредничестве культуры. Он знал, что многие из его собственных идей неверны, но до самого конца верил, что целостная теория, разработанная им вместе с коллегами, истинна и будет жить. Так и случилось: она живет в его студентах и десятках тысяч людей, которые обрели в ней опору для понимания самих себя и человеческой природы.

Литература

1. Cole M. Cross cultural research in the socio-historical tradition // Human Development. 1988. № 1.
2. Ermath M. Wilhelm Dilthey: The critique of historical reason. Chicago, 1978.
3. Laboratory of Comparative Human Cognition. Culture and cognitive development // P. Mussen (ed.). Handbook of child psychology. (Vol. I). N.Y., 1983.
4. Leontiev A.N. Studies of the cultural development of the child, II. The development of voluntary attention // Journal of Genetic Psychology. 1932. № 40.

5. Luria A.R. The problem of the cultural development of the child // Journal of Genetic Psychology. 1928. № 35.
6. Luria A.R. The nature of human conflicts (reprint). N.Y. 1976. Luria A.R. The second psychological expedition to Central Asia // Journal of Genetic Psychology. 1932. № 41.
7. Luria A.R. The role of speech in the regulation of normal and abnormal behavior. N.Y., 1961.
8. Luria A.R. Restoration of function after brain injury. N.Y., 1963.
9. Luria A.R. Traumatic aphasia. The Hague, 1970.
10. Luria A.R. Cognitive development. Cambridge, MA, 1976.

11. *Luria A.R.* The selected writings of A. R. Luria. White Plains, N.Y., 1978.
12. *Luria A.R.* Making of mind. Cambridge, MA, 1979.
13. *Luria A.R.* Language and cognition. N.Y., 1982.
14. *Mill J.S.* A system of logic. Reprinted in W. Dennis. Readings in the history of psychology. N.Y., 1943/1948.

15. *Razmyslov P.* Vygotsky and Luria's cultural-historical theory of psychology. *Knigii proletarskoi revolutsii*, 4, 1934.
16. *Rivers W.H.R.* Vision. Reports of the Cambridge Anthropological Expedition to the Torres Straits. (A.C. Haddon, ed.). Vol. 2, Part 1. Cambridge, England, 1901.
17. *Wundt W.* Elements of folk psychology: Outlines of a psychological history of the development of mankind. L., 1921.

Alexander Romanovich Luria: Cultural Psychologist

M. Cole

Ph.D. in Psychology, Professor, Laboratory of Comparative Human Cognition,
University of California, San Diego
